

В апреле 2022 года актеру Нижегородского государственного академического театра драмы имени М. Горького Анатолию Петровичу Фирстову присвоено звание «Народный артист Российской Федерации».

Анатолий Петрович, сколько же лет вы уже на сцене?

Да всю жизнь! Ну, если говорить конкретными цифрами, то на сцену выхожу уже сорок семь театральных сезонов. Из них ровно сорок пять лет работаю в Нижегородском драматическом театре. На сегодняшний день я занят в двадцати репертуарных спектаклях. За эти годы сыграл в нашем театре более сотни самых разных ролей — драматических, комедийных, и вторых, и главных и по несколько в одном спектакле... Ну, а в качестве театрального режиссёра только в нашем театре поставил десять спектаклей.

Скажите, пожалуйста, как поняли, что вы актер?

Я родился в простой советской семье. Послевоенные годы. Мой папа работал слесарем, мама — бухгалтером. Но оба были творческими людьми. Папа, например, любил рисовать. Было так трогательно, когда он вечерами, после смены, переносил иллюстрации на бумагу, разграфив ее на квадратики, а потом раскрашивал их. Но это все было очень наивно. А мама, когда уезжала в отпуск в санатории, подчиняла там себе всю самостоятельность. Хорошо пела, обожала танцевать. Кстати, именно благодаря ей я научился искусству танца. Сначала просто смотрел на все эти её замысловатые «па». А когда подросток, мама научила и вальсу, и танго, и фокстроту. Лет с шестнадцати она брала меня с собой на танцевальные городские вечера, так как папа был туг на ухо и совсем не умел танцевать. Мы же, уставшие и довольные, возвращаясь домой, менялись обувью: она шла в моих туфлях, а я босиком с ее туфельками в руках — мама отрывалась по полной, плясала просто до упаду. Одним словом, родительские гены, видимо, подействовали. И, будучи подростком, я знал, что стану артистом.

Почему выбрали для учебы именно Горьковское театральное училище?

У меня всегда была тяга к лицедейству, непреодолимая тяга к актерской игре. Ходил в драмкружок нижнетагильского Дворца пионеров, был вполне востребован как юный актер. Но поступать в ГИТИС не решился. Тогда думал, что в Москве учатся только гениальные люди. Да и вообще был застенчив. Было училище в Свердловске, но мудрые люди отговорили, пояснив, что там уровень актерской подготовки невысок. И добавили: если хочешь идти не в ВУЗ, а в театральное училище, то лучше Горьковского не найти. И я в этом убедился на собственном опыте. Сел на поезд, приехал в Горький.

Первый тур длился четыре дня — был невероятный конкурс, огромный наплыв абитуриентов. Тогда я и полбасни не прочитал, как меня

остановили... Думал, не пройду! Ко второму туру члены комиссии уже не помнили, кто есть кто из длинного списка. А я был еще и последним в очереди. Но когда вошел в аудиторию и назвал имя, они почему-то воскликнули «А! Это который из Нижнего Тагила!» и спросили — «У вас в городе на роддоме есть мемориальная табличка? Нет? Значит будет». По заданию тура нужно было показать пластический этюд. Время шло к обеду, поэтому комиссия поставила мне точную задачу: «Если директор сейчас пустится вместе с тобой в пляс, считай, что ты — в училище». Я скинул пиджак и пошел в присядку, да так расстарался, что «порвал на себе тельняшку!» И прошел.

Моими преподавателями в училище были великие люди — Валерий Семенович Соколоверов и Людмила Александровна Булюбаш. Я много взял у Наравцевича и Лермана, Дацук и Гостева нас учили двигаться и танцевать, Виноградова и Талалаева — разбирать в нотах и петь, Нестерова и Цыганкова — разбирать в литературе. Какие были педагоги! До сих пор с благодарностью о них вспоминаю. Они умели делать из учеников еще и людей. С ними не приходилось скучать.

Следующим шагом было распределение. Вы сразу попали в Нижегородский театр драмы?

На самом деле, после окончания училища меня брали в наш драмтеатр. Но тогда у всех была мечта попасть на работу к режиссеру Наравцевичу в горьковский ТЮЗ. Тогда его имя гремело на весь город. Но я был женат на его дочери Лене. И следуя педагогической политике Бориса Абрамовича и во избежание лишних разговоров, мы отправились в Кировский ТЮЗ, где тогда режиссером был Алексей Бородин и директором Владимир Урин. Там за полтора сезона я сыграл восемь ролей! Но потом мы все-таки вернулись в Горький: Лена поступила на службу в ТЮЗ, я в театр драмы. На один сезон — Наравцевич обещал взять меня в ТЮЗ через год. И тут закрутилось — шестнадцать массовок, восемь эпизодических ролей... В итоге работы много, а толком за год ничего так и не сыграл. Если вспомнить, то первые мои роли в нижегородской драме — Первый гвардеец в спектакле «Сирано де Бержерак» и Второй заяц в сказке «Зайка Зазнайка». А первый ввод — бессловесная роль Понятого, который выходил в конце спектакля по В. Шукшину «Энергичные люди». До роли Седого в современной постановке «Энергичных людей» прошло почти 45 лет... Конечно, я ждал окончания сезона, чтобы перейти в ТЮЗ. Но мудрый Меньшенин, главный режиссер театра драмы в то время, перед уходом в отпуск вывесил распределение на будущий сезон, где фамилия «Фирстов» стояла напротив таких ролей: Петенька («Господа Головлевы»), Малахов («Остановите Малахова»), Петр («Последние»). Конечно, я остался в драме.

Какая роль в вашей карьере начинающего артиста была самой экстремальной?

Это было во Львове. В 1978-м. Так получилось, что директор Львовского театра Советской Армии увидел меня, начинающего актера, в одном из гастрольных спектаклей. И пригласил в свою труппу, сказав: «Нам нужен такой человек как вы. В нашем театре у вас будет и хорошая зарплата, и квартира». Причем, меня сразу брали на главную роль Незнамова в пьесе А. Островского «Без вины виноватые». Мы с женой мечтали об отдельной квартире, так как у нас был маленький ребенок. И мы решились на переезд. Так вот, приехали во Львов, начали осваиваться. А как известно, каждый уважающий себя артист обязан ознакомиться с репертуаром театра, в котором работает. И вот, мы пошли смотреть спектакль «Лейтенанты». Только расположились, вдруг подбегает заведующий труппой со словами: «У нас заболел артист. Надо сейчас же заменить его во втором акте. Очень вас просим». Что делать! В собственном костюме, выучив лихорадочно за время первого акта текст,

я вошел в сцену. А она оказалась еще и «многонаселённой» — человек восемь. То есть мне нужно было понять, кто за кем говорит, кто, как и на кого реагирует и что, собственно, происходит. И все без репетиций. Весь театр сбежался смотреть, как молодой артист будет выкручиваться. Я выскочил на сцену. Сказал все, что надо, точно и вовремя. «Ну ты силен, бродяга» — сказали мне тогда. И весь вечер был под сильным впечатлением своего первого выхода. На следующий день я попытался вспомнить текст — не вспомнил ни слова!

Расскажите, пожалуйста, как вам жилось в театре все эти долгие годы?

Для меня театр — это всё. Я здесь живу, работаю, я служу театру. Но иногда происходят периоды застоя. Конечно, не было таких периодов, чтобы я был совсем без работы, хоть какая-то работа, да была. Но все было не то, что мило сердцу. Желаемые роли, к сожалению, проходили мимо меня. Ну, может, раз в пятилетку случались очень крупные роли, такие как Малахов в спектакле «Остановить Малахова» или Бальзаминов в знаменитой пьесе «Женитьба Бальзаминова». Последняя очень дорога мне, ведь я был совсем молодым артистом. И надо сказать, что незадолго до нашего спектакля на экраны страны вышел художественный фильм «Женитьба Бальзаминова» с Вициным в главной роли. Было такое впечатление, что народ видеть не хотел никого другого в этой роли. Но отмечу, что наш режиссёр (Лерман) сделал все иначе. У нас был совсем другой Бальзаминов. В общем, я благодарен судьбе, что не попался в сети плагиата, что не скопировал свою роль с гениального Вичина. Но такие знаковые роли случались не часто. Я даже постепенно стал привыкать к своей нише в этом театре. Что это была за ниша? Да очень просто: эпизод здесь, эпизод там, эпизод через неделю. Печально и грустно. Полная предсказуемость. Иногда так всё надоедало и выматывало, что хотелось уйти. Но не из профессии, а просто в какой-нибудь другой театр. Бросить театр совсем не мог, поскольку ничего другого делать не умею.

Как-то раз цыганка нагадала мне: «После сорока тебе повезет в работе». Она ошиблась ровно на 10 лет... Все в моей жизни мистическим образом поменялось после пятидесяти. Главные роли прямо посыпались как из рога изобилия. Многие помнят такие замечательные спектакли, как «Не такой, как все», «№ 13», «Зойкина квартира», «Женитьба». И потом пошло, и пошло как по накатанной. А есть вещи, в которых я просто купался. Например, Войничкий в «Дяде Ваня», или Расплюев в «Смерти Тарелкина». Причем, некоторые роли были для меня неожиданными, например, Гаев, старшина Шпатор, Аметистов, но режиссер так решил. И я оказался на месте.

Случаются ли у вас импровизации во время спектакля?

Такое происходит редко. Лично я делаю так: первые десять репетиций внимательно слушаю режиссёра, пытаюсь понять, что он хочет и куда ведет. Потом начинается настоящая работа, настоящий азарт и мы творим вместе. Спектакль — это всегда совместное творчество. Ты постепенно начинаешь понимать, что режиссер хочет от тебя, начинаешь осознавать, насколько ты этой роли соответствуешь. А импровизация приходит потом. Импровизация — это определенная степень свободы. Она возможна тогда, когда ты видишь, что твоя импровизация не мешает партнеру. Ведь у нас каждый спектакль распланирован по музыкальному, световому решению, по мизансценам. Это надо учитывать.

Как зрителю сегодня ориентироваться в театральных постановках?

Зритель в нашем театре всегда найдет спектакль по своему вкусу. К каждому спектаклю выпускаются видеоролики. И все они находятся на

сайте театра. Просмотрев их, можно представить хоть какую-то картинку. Понятно, что эта картинка составляется из достаточно выгодных визуальных моментов, но иногда самое сокровенное остается за кадром. Помимо этого, есть сарафанное радио, есть театральные рецензии, есть зрительские отзывы на страницах соцсетей. Как сказал один моих педагогов «даже у плохого артиста могут быть свои поклонники». Все очень субъективно. Ведь каковы сегодня критерии успешности спектакля? Это и значимость драматурга, и животрепещущая тема, и яркая зрелищность, и участие популярных артистов, и костюмы, и цепляющие внимание декорации, и музыкальное оформление. Но кому-то необходимо поразмыслить в процессе спектакля, понять что-то важное для себя, а кому-то просто отвлечься от будней и посмеяться. В любом случае, спектакль для зрителя — это всегда путешествие в собственный мир чувств и эмоций.

Скажите, у вас есть зависимость от работы?

Зависимость? Я отвечу так: если перестану играть — перестану жить. Актёр всегда и везде актёр. Он привык носить маски. Когда преподавал, то всегда говорил своим ребятам: «Вы даже не замечаете, как постоянно играете в жизни. С родителями — вы одни, с начальником — другие, с любимой женщиной — третьи, с другом — четвертые».

Моя профессия помогает мне выбираться из многих сложных ситуаций, но вот парадокс — я каждый раз сомневаюсь в себе, когда получаю роль на руки роль. То мне кажется, что я не имею к этой роли никакого отношения, то кажется, что я какой-то угловатый, то, что я маленький, то, что у меня слишком густой баритон. Хожу и думаю целыми днями, как же я буду играть эту роль.

Что в жизни вам доставляет удовольствие?

Люблю читать романы. Мои любимые писатели — Фолкнер, Маркес и Булгаков. А вот отношения с поэзией сложнее. Я очень долго расшифровываю рифму. Но тем не менее, много работаю с поэзией, использую стихи в своих постановках. Еще люблю музыку. Что именно? Это, конечно, популярная классика. Кстати, именно этой музыкой оформляю свои спектакли. Ну, а любимые певцы, это певцы моей юности: Стинг, Кокер, Квин, Битлз, Элтон Джон.

Люблю нешумную компанию друзей. В моем возрасте друзей становится меньше и это хорошо. Еще получаю удовольствие тогда, когда никто не мешает. Это может быть просто тишина в доме. В тишине можно услышать себя самого.

*Беседовала Вита Пунская
Январь, 2022 г.*